

«ВЕЧЕР МЕРЦАНИЙ»

А. Л. Соболев
(Москва)

В неописанной до сих пор истории «Общества свободной эстетики»¹ есть несколько внятно различимых этапов. Первый из них – от начальных заседаний неоформившегося еще в художественном самоопределении общества (осень 1906 г.) до общего учредительного собрания с протоколом и председателем (15 апреля 1907 г.). В этот период «Общество» не печатало повесток, не вело стенограмм и не объявляло о своих встречах в газетах, так что о тематике и тоне заседаний мы можем судить по редким случайным свидетельствам и по сухому перечню мероприятий. Последний выпукло демонстрирует отсутствие у организаторов единой эстетической платформы (или, как минимум, неочевидность ее для позднего наблюдателя): вот, например, темы первых восьми собраний (все, состоявшиеся в 1906 г.):

8 ноября 1906. «Поэт Эллис читал о Бодлере».

15 ноября 1906. «Историк Эртель читал переводы песней из индийской поэмы Багавадгита. Г-жа Полозова пела романсы».

22 ноября 1906. «Беседа об умершем художнике Мусатове (Станюкович) привлекла много публики. Г-жа Брюсова играла на рояли».

29 ноября 1906. «Чтение стихов (Эллис, Рубанович) и беседа о реализме в искусстве (Ларионов, Переплетчиков, Кузнецов, Брюсов)».

6 декабря 1906 (среда). «Г. Корещенко играл на рояли. Общая беседа о теме в искусстве».

13 декабря 1906 (среда). «Г. Лукин играл на арфе».

¹ См., впрочем, две обзорные работы: Илюхина, Шуманова 2009: 44–55; Свиридовская 2014: 92–117.

19 декабря 1906. «По предложению Брюсова были устроены *petits jeux* (рисунки и стихи)».

27 декабря 1906. «Г. Корещенко играл на рояли. Гр. Бобринский и С. И. Щукин рассказывали о путешествии по Индии и Греции»².

Ситуация радикально изменилась после собрания 15 апреля 1907 г.: несмотря на то, что среди тридцати трех учредителей были лица с принципиально разными эстетическими взглядами (здесь, например, соседствовали Л. О. Пастернак и Н. Н. Сапунов)³, в первые же месяцы формального становления общества оно почти насильственно сдвигалось к эстетической повестке «Весов». Изначально в составе основателей было всего пятеро безусловных «весовцев» (помимо троих Брюсовых – В. Я., Н. Я. и И. М. – это М. Ф. Ликиардопуло и Эллис-Кобылинский) – несмотря на это, уже в третьем заседании комитета, 23 октября 1907 г., последний представил проект литературных сред Общества, распланировав его на девять заседаний вперед⁴. Согласно проекту, на первом чтении (31 октября 1907 г.) должны были читать стихи Брюсов, Белый и сам Эллис (каждый по восемь стихотворений), на втором Эллис должен был произнести речь «Задачи и методы символизма» (в оппоненты предлагались Брюсов, Белый, И. Грабарь и В. Пашуканис), третья среда была озаглавлена «Вечер художественной прозы» (М. Ликиардопуло. Перевод неизданной драмы Б. Шоу; Ю. Балтрушайтис. Перевод рассказа Гамсуна; В. Гофман. Перевод из Г. Манна; Н. Киселев. Рассказ из Рильке); четвертая выбивалась из общего ряда – М. А. Эртель должен быть прочесть доклад о «Хариванше», а Эллис исполнять переводы с санскрита; пятый вечер должен был

² РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 1–10б. Кажется, неочевидны историк Михаил Александрович Эртель (1882 – начало 1920-х), певица Елизавета Александровна Полозова, искусствовед Владимир Константинович Станюкович (1874–1939), композитор Арсений Николаевич Корещенко (1870–1921), музыкант Владимир Александрович Лукин. Бобринский – возможно, Алексей Александрович. Кузнецов – почти наверняка Павел Варфоломеевич.

³ Протокол учредительного собрания – РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 9–10об.

быть посвящен Бодлеру, шестой – Верлену, седьмой – Роденбаху; на восьмой среде Эллис собирался рассказывать о Данте, а на девятой Андрей Белый должен был прочесть отрывки из «Четвертой Симфонии».

Комитет общества в том же заседании неожиданно возроптал: отдельной критике подвергся пункт эллисовской декларации, воспрещавший отступления от плана: «Чтение на них <литературных средах> экспромтом без одобрения Комиссии – решительно не допустимо»⁵. В своем возражении В. В. Пашуканис заметил, «что по его мнению этот параграф является излишним ограничением, так как, как показал пример прошлого года, чтение экспромтом оказывается часто более интересным, чем выполнение заранее подготовленной программы (речь А. Белого об искусстве, стихотворения и переводы Рубановича)»⁶. В официальном протоколе комитет признал интересными программы вечеров с первой по четвертую плюс девятую, отказавшись, таким образом, от тематических сред в честь Бодлера, Верлена, Роденбаха и Данте. Отчеты и повестки (которые начали печататься в этом же сезоне) сохранились за 1907 / 1908 г. весьма фрагментарно⁷, так что о дрейфе интересов общества в сторону модернизма мы можем судить лишь по комплексу признаков. Но два месяца спустя произошел весьма выразительный эпизод, демонстрирующий, каким образом в обществе стало караться эстетическое свободомыслие. Как видно из дальнейшего, он оказался ключевым для ранней эпохи «Свободной эстетики», повлияв на ее персональный состав, заменив расклад сил в ее администрации и оставив тяжелую память у некоторых невольных участников.

В третьей части мемуарной трилогии Белый несколько раз возвращается к одному и тому же воспоминанию:

⁵ Там же. Л. 9

⁶ Там же. Л. 8. Белый говорил об «искусстве будущего» на вечере 14 марта 1907 г., С. Рубанович читал стихи 29 ноября 1906 г. и 10 января 1907 г.

⁷ Наиболее хронологически ранняя из разысканных нами повесток – приглашение на вечер 12 декабря 1907 г. (исполнение музыкальных и драматических отрывков), присланное И. С. Остроухову: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 4.

Много было тяжелого, когда гнали Меркурьеву, Пашуканиса, Переплетчикова; не в том суть, что гнали, – в том, как это делалось! Ушибли Меркурьеву; Переплетчиков – плакал; а Пашуканис вылетел сдуру: из донкихотства; надо было изъять профанаторов, иль всему составу «Эстетики» развалиться от действий маленькой группочки; Брюсов вышвыривал с мстительной радостью, тешась, как скальпом, победой своей; а Рачинский с ехидным подкурлом, как мальчик, пинающий пяткою в мягкие части такого ж, как он, старика, изгонял Переплетчикова; Трояновский – любовался техникой своих операционных приемов; один Серов мучился, стулом скрипя; на лице проступала брезгливая боль; точно ревмя ревел; и молчал и кривился: ревел в нем невидимый вес; содрогался я от крутых мер, ожидая решенья Серова, которого профиль почти вовсе спрятался, полузакрытый ладонью; но он поднял руку – за Брюсова.

И я – за ним (Белый 1990: 204–205).

И позже:

Я не стану описывать перипетий неприятной борьбы: в ней прибегли к приемам, подобным заманиванью в крысоловку увертливой крысы: Серов этим мучился; тут публичное выступление членов кружка «Дмагага» от «Свободной эстетики», но безо всякого права на это, дало повод нам привлечь к трибуналу; исключили Меркурьеву; но это – повод; она – лишь покров снеговой над медвежьей берлогой; хотели медведя поднять из берлоги; медведь сосал лапу под нами; и зубы точил; он – полез, бурый, злой, угрожающий череп снести; мы стояли с рогадинами; из «Эстетики» таки ушел он.

Случайно скончалась Меркурьева около года спустя от, как помнится, аппендицита; после смерти встречаю Василия Васильевича <Переплетчикова> на Арбате: такой ясноокий! Он нежно берет мою руку, ее прижимает и взглядом, сулящим зарю, залезает в глаза; и... и – шепотом:

– «Вы, Борис Николаевич, – вы убили Меркурьеву!» (Белый 1990: 208).

Хотя сама история известна нам в глубоких подробностях, о ее основных действующих лицах мы знаем не так-то много. Актриса Нина Александровна Меркурьева (1880–1912⁸) родилась во Владикавказе, в семье землемера, межевого ревизора Тифлисской судебной палаты. Она – младшая сестра поэтессы В. А. Меркурьевой⁹. Училась в музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества. Работала у Мейерхольда в Театр-студии на Поварской (см.: Мейерхольд 2010: 249). В «Общество Свободной Эстетики» она, вероятно, была рекомендована другом их семьи художником В. В. Переплетчиковым; ее имя встречается в учредительных документах Общества: в частности, она была среди лиц, присутствовавших на первом собрании и оказалась избрана в Театральную комиссию Общества¹⁰.

Второй важный участник дальнейших событий не входил в руководящие органы Общества, хотя неоднократно присутствовал на его заседаниях. Это – певец и поэт Аркадий Иванович Гурьев (1881 – после 1943). Его выразительный портрет оставил Пастернак:

Гурьев был из Саратова. Он обладал могучим и мягким голосом и артистически передавал драматические и вокальные тонкости того, что он пел. Как все самородки, он одинаково поражал беспрерывным скоморошничаньем и задатками глубокой подлинности, проглядывавшими сквозь его ломанье. Незаурядные стихи его предвосхищали будущую необузданную искренность Маяковского и живо передающиеся читателю отчетливые образы Есенина. Это был готовый артист, оперный и драматический, в исконной актерской своей сути, неоднократно изображенной Островским. У него была лобастая, круглая, как луковица, голова с едва заметным носом и признаками будущей лысины во весь

⁸ Утвердившийся в литературе год смерти может быть поставлен под сомнение: по крайней мере, в главных театральных журналах («Рампа и жизнь», «Театр и искусство») некрологов Меркурьевой в этом году не было. Белый в приведенном выше отрывке говорит, что она умерла «около года спустя», т. е. в 1908–1909 гг.

⁹ См. упоминание о ней в биографическом очерке (Гаспаров 1994: 8, 10) и в некрологических стихах (Меркурьева 2007: 145, 504, 565).

¹⁰ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 1, 7.

череп, от лба до затылка. Весь он был движение, выразительность. Он не жестикулировал, не размахивал руками, но верх туловища, когда он стоя рассуждал или декламировал, ходил, играл, говорил у него. Он склонял голову, откидывался назад корпусом и ноги ставил врозь, как бы застигнутый в плясовой с притопыванием. Он немного зашибал и в запое начинал верить в свои выдумки. К концу своих номеров он делал вид, что пятка пристала у него к полу и ее не оторвать, и уверял, будто черт ловит его за ногу (Пастернак 2004: 317; о нем см. также: Поливанов 2013: 482–491; Архиппов 2016: 42, 43).

Согласно семейным преданиям, он учился в консерватории, участвовал в революционном движении¹¹, в 1905 г. был на баррикадах, прятал в гитаре шрифт подпольной типографии (не с этой ли гитарой в руках он встретил крестьянского поэта Дрожжина, произведя на того неизгладимое впечатление? см.: Дрожжин 1923: 41); любил кулачные бои, сидел в Бутырской тюрьме и обезножил на нервной почве перед дипломным спектаклем. Круг его московских знакомых (отчасти реконструируемый по чередке посвящений над стихами дебютной книги; см.: Гурьев 1913) был чрезвычайно широк; для дальнейшего важны его близкие отношения с В. В. Пашуканисом, также одним из учредителей «Общества Свободной эстетики». Преподнося ему экземпляр «Безответного», Гурьев писал:

Уж очень давно ведь я Вас знаю. Поэтому: нельзя же мне было не подарить Вам отдельно этой книги. Не Вы ли первый соблазнили меня быть завоевателем в оные времена? Но правда к войне я несколько запоздал, не попал я даже в ряды, – а все слышал, как шелестели мимо знамена... Вот эти времена мы переживали с Вами вместе. И жили-то Вы тогда на переулке, который назывался Знаменским или просто Знаменка. Так как же мне было Вам

¹¹ Ср.: «Гурьев был принят в Московское филармоническое училище, где пробыл несколько лет на чьем-то иждивении. Но политика погубила молодого певца. Он попал в какой-то революционный террористический кружок, перестал заниматься, был арестован и пропал, как говорится, ни за понюшку табаку во славу проклятого Молоха человечества – революции» (Ивинский 2004: 261). NB Не в филармоническом ли училище он познакомился с Меркурьевой?

этой книги отдельное не подарить – книги о прошлых печалях? Иным еще Вы знали меня. И я Вам верил, и Вы, может быть, на судьбу мою полагались... Ничего не вышло. «Пуговица без ушка». Хорошо, что это не пуговица от военного мундира. Так что же: может быть, пуговицу, на которой вычерчен «ангельский герб» – можно еще купить? Пусть же она валяется в ящике любителя бывших фантасмагорий. Может быть, он захочет когда-нибудь воскресить в памяти некогда виданный мирок¹².

В 1900-е годы он предпринимал попытку напечататься в «Весах»: в редакционном архиве сохранились две подборки его стихотворений (с обратным самарским адресом)¹³; несмотря на явную стилистическую близость к классическим образцам московского модернизма¹⁴, обе они были отвергнуты.

Нам неизвестны обстоятельства, при которых Гурьев и Меркурьева запланировали совместное выступление, получившее имя «Вечер мерцаний»; анонс его был помещен в номере газеты «Театр» за 13 декабря, а сам он назначен на 19-е:

Аудитория исторического музея. Вечер мерцаний. Настроение:

- 1) Голубые колыбели.
- 2) В золотистую осень разлук.
- 3) Туда, к закату.
- 4) В хрустальном зеркале весны.
- 5) Седины сна.
- 6) Под вечер осени ненастной.
- 7) Мрак¹⁵.

¹² РГБ. Ф. 218. Карт. 1399. Ед. хр. 11. Л. 1–1об.

¹³ ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 79; ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 80. Большинство этих стихотворений не вошло в первую книгу.

¹⁴ Приведем для иллюстрации: «Пускай не вижу я, – слепой, – / На мне следы напечатленны. / Пусть много неизвестных див, / Пусть кто-то ласково-красив, – / Я слышу дальних тайн прибой. / Я чувствую. Я в цвете плена. // Зачем искать, руками верить, – / Как будто в слове верность есть! / Как будто можно свет сорвать... / О, нет же, тайны не назвать, / И взглядом красоты не смерить! / Я сплю. Дойдет до сердца весть» (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 19).

¹⁵ К огорчению, мы не смогли разыскать нужный номер за 13 декабря (экземпляр газетного зала РГБ выехал на выставку в сторону основного здания, но так до него и не

В воспоминаниях Бурлюка зафиксирован эпизод подготовки к выступлению:

Накануне «Вечера мерцаний» в аудитории Политехнического музея у нас в Каретном была организована вечеринка. Якулов говорил: «Для карьеры». Сильно перепились. Гурьев вылез на стол, чтобы доказать, что он не пьян. Аристарх Лентулов стал стаскивать его вниз за поповского покроя сюртук и начисто оторвал обе полы. «Прием» окончился полным разгромом и борьбой между полуобнаженными Якуловым и Лентуловым, боровшихся на полу, на грудях битого стекла... (Бурлюк 1994: 30)¹⁶.

Сам вечер 19 декабря известен нам в пяти газетных пересказах, но один из них весьма лаконичен, а три слишком глумливы, чтобы служить сколько-нибудь внятным источником для хроники. На этом фоне особенно выделяется ясностью изложения тот, что вышел из-под пера А. Я. Брюсова:

Вечер начался в 9 ч. веч. вступлением г. Гурьева, нескладно заявившего о художественных верованиях участников вечеров мерцаний. Он говорил о том, что они считают художника стоящим выше искусства «в образе березки» («дубины», произнес кто-то из публики за моей спиной), уводящей по тропинке в сторону; что они, участники вечера, будут «ронять здесь слова и смычки», что «никто из участников не хочет быть главным пунктом внимания»; что ни о какой интимности вечеров не может быть и речи, но «наоборот (!) – они хотят дать каждому возможность поэтического

добрался), так что вынуждены цитировать объявление по монографии: Рогачевский 1998: 173. Внимательный читатель, конечно, отметил взятые в названия разделов цитаты из Блока, Белого и Пушкина.

¹⁶ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 30. Главка мемуаров называется «Почему “Вечер мерцаний” начался с опозданием». Много лет спустя Бурлюк через российских контрагентов разыскивал сведения о вечере: «Можете ли вы в газетах Москвы найти вечера мерцаний объявление ноябрь, декабрь 1907 январь 1908 г. поэт имя актрисы и поэтов, там выступавших» (письмо к Н. А. Никифорову от 4 июня 1958 г. // Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов. 2011. С. 207).

уединения», что в конце концов вечера эти сведутся к вечерам импровизаторов. Что значили эти заявления (передаю их почти дословно), – Аллах ведает.

Музыка <Б. Б.> Красина, Неизберга <?> и <А. А.> Архангельского – невыносима. Г-н Шапошников, исполнивший «Осеннюю песню» Чайковского, прибавил к ней несколько своих тактов. Г-н Суворовский сыграл свою пьесу «Одиночество». Судя по словесному предисловию, можно было ожидать чего-нибудь любопытного. Увы, оказалось – плохое подражание музыке Бородина.

Литературные номера вызывали всеобщий смех. Пели, мелодекламировали, читали стихи Фета, Тютчева, А. Белого, Валерия Брюсова, но как!

Сюсюкала и шамкала г-жа Ремизова. Выкрикивала и взвизгивала г-жа Меркурьева, выкатывая глаза. Ей все казалось, что надо читать «ужасно», а ужас изображала она так комично, что казалось, просто у нее болят зубы и от боли она стонет что-то невнятно-нелепое; в конце концов она дошла до высшего искусства – читала в два голоса дуэт Бальмонта «Два голоса».

Всеобщий смех вызвал какой-то юноша в оранжевой бархатной блузе, который, простояв минут 10 «прислоненным» к роялю, вдруг вскинул голову и вскрикнул: «Любовь умерла!». Впечатление было так неожиданно, что зрители даже воскликнули «ах», а затем разразились хохотом.

Но все это не занимало никого. Большинство видело в этом лишь плохую пародию на много лет тому назад бывший первый «Вечер нового искусства»¹⁷. Но там выступали истинные художники, здесь же неумелые шарлатаны. Тоскливо становилось, когда Гурьев читал свои плохие пародии на А. Белого.

Однообразие этой забавы утомило бы публику, если бы не произошел любопытный инцидент. В своей вступительной речи г. Гурьев заявил о желательности, чтобы публика приняла участие

¹⁷ Под таким названием известно несколько разных мероприятий; вероятно, автор подразумевает тот, что состоялся 15 февраля 1900 г. в Москве в зале Охотничьего клуба с участием В. Я. Брюсова.

вечере в качестве исполнителей. Это подало повод группе литераторов, случайно присутствовавших здесь, заявить о своем желании прочесть несколько пародий на прочитанных на вечере авторов. Это привело в недоумение устроителей. Публика же, утомленная однообразием «серой пустоты», настойчиво требовала исполнения пародий. Произошло замешательство: небольшая часть, имея во главе редактора «Белого Камня»¹⁸, требовала продолжения вечера мерцаний. Большинство же стояло за пародию.

А. Койранский, выйдя на эстраду, произнес горячую речь, предлагая устроить из вечера мерцаний *sabagé artistique*. Но у устроителей слово *sabagé* вызвало представление о ресторане (sic). Напрасны были все указания на нелепость такого взгляда. Напрасно А. Койранский указывал на Бодлера и Маллармэ, участников парижского *sabagé* «Chat noire», устроенного Рудольфом Салис; напрасно публика требовала от устроителей исполнить их обещание – позволить зрителям принять участие в исполнении. Призвав на помощь околоточного, устроители заявили, что ни один номер сверх программы – недопустим.

Половина обещанных номеров была исполнена г. Гурьевым, который к концу вечера пришел в такое отчаяние, что возопил: «Не могу же я один исполнить весь вечер».

По окончании вечера снова раздались требования пародий, но исполнение их снова не было допущено полицией и устроителями. Недовольная публика медленно стала расходиться, каламбуя, что ее угостили «гурьевской кашей»¹⁹.

Остальные отчеты мало что прибавляют к этой хоть и недружелюбной, но, вероятно, вполне старательной хронике. Обозреватель «Русского артиста» уточняет вступительную реплику Гурьева: «вечер этот – собственно нить настроений; участвующие лишь... березки на пути туда... туда... Будут может быть падать смычки, ронять слова. Каждый зритель может выйти на эстраду и

¹⁸ Т. е. Анатолия Анатольевича Бурнакина.

¹⁹ Alexander [А. Я. Брюсов]. Вечер мерцаний. – Час. 1907. № 76. 21 декабря. С. 4.

принять участие в создании общего настроения» (А. 1907: 185). Он же отметил, что «вечер состоял преимущественно из слабого, неудачного чтения произведений А. Блока и самих участвующих» (А. 1907: 185). Репортер «Раннего утра» подробно описывал эпизод с несостоявшейся декламацией пародии: «Из первого ряда встал представитель литературной “богема” и предложил публике прослушать его пародию на стихи, исполняемые “мерцающими”. И произошел реприманд неожиданный... Шумные восторги, бурные аплодисменты. Те, от которых “мерцающие” ожидали коллективного творчества, требовали сверхпрограммного зрелища... Напрасно устроители молили публику сохранить целостность настроения: она была неумолима»²⁰.

Крайне скептически настроенный корреспондент «Голоса Москвы» также упомянул о чтении стихов Блока, добавив, что декламировались и строки Н. Пояркова. Среди прочего в его отзыве говорилось: «Выходили какие-то “иксы” и “игреки” и почему-то придушенными голосами (точно в последнем припадке астмы) читали какую-то “лиловую белиберду»²¹. Похоже писал взявший сразу юмористический тон корреспондент петербургских «Свободных мыслей»:

А вчера мы с декадентами мерцали.

Происходило это в зале Исторического музея.

Начали мерцать минут этак в 20 десятого и домерцали таким манером до половины двенадцатого.

Мерцали: мы, они и городской.

Только не все вместе, а по порядку.

Первые начали они.

Они назывались: Икс, Игрек, Эн-плюс-Единица, Юс Малый, Юс Большой и Ижица²².

²⁰ Г. На «вечере мерцаний». – Раннее утро. 1907. № 28. 20 декабря. С. 3.

²¹ Ратмир [Н. В. Насакин]. За день. – Голос Москвы. 1907. № 295. 21 декабря. С. 5.

²² Каров М. А. [М. Д. Рывкин]. «Вечер мерцаний». – Свободные мысли. 1907. № 33. 27 декабря. С. 4.

Он также упоминает декламацию стихов Блока, Брюсова, Бальмонта и Пояркова, а также предполагавшееся выступление кого-то из круга авторов «Белого камня». Таким образом, мы можем быть уверены, что на сцене в тот вечер побывали А. И. Гурьев, Н. А. Меркурьева, композитор Н. П. Суворовский (печатавшийся, кстати, в «Весах»), музыкант Шапошников (возможно, Адриан Григорьевич, будущий создатель туркменской музыки), актриса Ремизова (возможно, Варвара Федоровна) и не предусмотренный программой А. А. Койранский. Если перечисление псевдонимов-букв в последнем репортаже действительно отражает число участников, то получается, что один из них остался нами не опознан: вероятно, это «юноша в оранжевой бархатной блузе» с его единственной запомнившейся репликой.

Большинство писавших о «Вечере мерцаний» отметили его очевидную связь с традициями московского модернизма: собственно, один из очерков начинается с констатации очевидного: «Москва – это декадентская колыбель... Нигде, ни в одном городе России, вы не встретите столько “декадентщины”, как в Москве...»²³. С точки зрения сегодняшнего дня столь же очевидно, что несколько ключевых деклараций организаторов вечера резонируют или превосходят центральные пункты мейнстримных театральных теорий начала века: например, одну из любимейших надежд Вяч. Иванова об участии зрителей в сценическом действе. Для Брюсова, болезненно относящегося к любой, хотя бы внешней или невольной профанации идей возглавляемого им направления, очевидно, именно эта сторона дела показалась нестерпимой. Поскольку из участников «Вечера мерцаний» в его силах было административно воздействовать лишь на Меркурьеву и Гурьеву (остальные не входили в «Свободную эстетику» и, за единственным исключением, не печатались в «Весах»), он сделал именно их объектом демонстративного наказания. Оно произошло две недели спустя, на очередном заседании.

²³ Ратмир [Н. В. Насакин]. За день. – Голос Москвы. 1907. № 295. 21 декабря. С. 5.

Протокол соединенного заседания членов Комиссий Общества «Свободная Эстетика» 3-го января 1908 года.

1908 г. января 3-го дня состоялось соединенное заседание Комиссий в составе членов их:

М. Ф. Ликиардопуло, К. Н. Игумнова, Н. Д. Милиоти, Б. Н. Белого <sic>, В. Я. Брюсова, Н. Я. Брюсовой, И. И. Трояновского, А. П. Трояновской, В. В. Переплетчикова, Н. Р. Кочетова, В. А. Серова, В. О. Гиршман, В. П. Дриттенпрейс, С. Ю. Судейкина, Ю. К. Балтрушайтис, В. В. Гофман, Арс. Н. Корещенко, Л. О. Пастернак, М. Н. Мейчик, Л. Л. Эллис <sic>, Н. А. Меркурьевой и Секретаря Общества В. В. Пашуканис.

Председателем собрания после отказа В. Я. Брюсова был избран И. И. Трояновский, который и открыл заседание, обратившись к присутствующим с речью. Указав на цель созыва заседания – выяснение настоящего положения вещей и тех мер, которые должны быть приняты для дальнейшего преуспеяния Общества, он отметил те нежелательные явления, тот элемент плоскости и пошлости, который в последнее время стал вторгаться в жизнь Общества. Приписывая это главным образом недостаточно энергичному, недостаточному любовному отношению к делу самих членов Комитета, из которых некоторые последнее время совсем не посещали заседаний, он призывал всех сплотиться в дружной работе дать Обществу новые силы, новых членов, влить в его жилы золотую кровь.

Слова попросил В. Я. Брюсов.

То, что совершается теперь в Обществе, упадок его, упадок его активной деятельности, его внутреннего содержания, говорил он, является следствием причин внутренних и внешних.

Его внутренняя деятельность, деятельность комиссий развивалась незакономерно, некоторые исполнительные вечера устроены были без ведома членов Комиссии. Комиссия художественная бездействовала совершенно: члены ее не получили ни одного приглашения.

(Секретарь просит разрешения внести фактическую поправку).

Члены музыкальной Комиссии получили приглашение только на одно заседание, вечер Грига был устроен без оповещения

всех членов ее. Что касается литературной Комиссии, то ее прерогативы были нарушены самым существенным образом: были устроены два вечера, где под прикрытием театральной Комиссии исполнялись литературные произведения. Еще более существенным нарушением основных принципов Общества «Свободная Эстетика» является тот путь псевдо-искусства, на который вступили некоторые члены Общества. Я говорю о «Вечере Мерцаний» – его афиша была пошла, гнусна и отвратительна, а на ней стояли имена лиц, посещающих и состоящих членами «Свободной Эстетики». Мы, члены «Свободной Эстетики», не имеем права прикрывать своими именами «Вечера Мерцаний».

Я требую двух вещей: во-первых, все публичные выступления должны соотноситься с нашим уставом и постановлениями, далее должно быть созвано общее Собрание и лицам, участвовавшим в «Вечере Мерцаний», навсегда должен быть закрыт доступ на вечера «Свободной Эстетики», если они не пожелают принести извинений.

В. Я. Брюсову в той части его речи, которая касалась исключения членов, участвовавших в «Вечере Мерцаний», возражал В. В. Переплетчиков. «Та железная лапа, наложения которой на всякое, хотя бы даже вне стен «Свободной Эстетики», проявление деятельности ее членов требует В. Я. – явление нежелательное, явление гибельное. Все начинающие силы всегда встречают на своих первых шагах несочувствие, глумление. Скольких из присутствующих оплевывала толпа при первых шагах их творчества и, если бы тогда существовала та железная лапа, налагаемая на свободное творчество «Свободной Эстетикой», которой так добивается Брюсов, то скольким – чьи имена с уважением произносятся теперь – пришлось бы замолчать тогда».

Брюсов. Существует, должен существовать *minimum* художественного вкуса, обязательного для членов «Свободной Эстетики». Среди наших членов есть такие имена как Валентин Александрович Серов, с его именем не могут стоять рядом имена лиц, выступавших в «Вечере Мерцаний». Меня спрашивали, каким образом на афишах стоит имя члена «Свободной Эстетики», в

которой нахожусь и я. Я не могу своим именем прикрывать подобные выступления.

М. Ф. Ликиардопуло. Ночью, после «Вечера Мерцаний» мне звонили по телефону, спрашивая, можно ли поместить в газете заметку отрицательного характера об этом вечере, так как Валер. Яковлевич в «Свободной Эстетике».

Переpletчиков. Поступки, совершенные вне стен Общества, не подлежат, как мне кажется его суду.

Брюсов. Нет. Существуют поступки – напр. кража носовых платков – которые должны подлежать суду Общества.

Переpletчиков. Разве выступление в «Вечере Мерцаний» то же, что кража носовых платков?

Эллис. Даже хуже.

Переpletчиков. Вы судите за глаза, Валер. Яковлевич, только за преступления уголовного характера можно требовать исключения из числа членов к<акого> л<ибо> Общества. Вы требуете этого, а сами даже не были на «Вечере Мерцаний».

В. Я. Брюсов. Позорнее «Вечера Мерцаний» я не знаю ничего за последнее десятилетие. Членами «Свободной Эстетики» не могут оставаться лица, чьи выступления являются верхом антихудожественности. Н. А. Меркурьева дважды выступала на вечере «Свободной Эстетики». Как председатель литературной комиссии я настаиваю, чтобы больше она не имела права выступать на вечерах ее, настаиваю на ее исключении из числа членов Общества.

Эллис. Я совершенно согласен с Валер. Яковлевичем.

В ярких и образных выражениях очертив затем современное состояние искусства, где с высоты кафедры лже-пророки проводят тезисы пошлости, где в качестве поэтов выступают Гурьевы и претенциозная стукотня Архангельского признается музыкой, он требовал удаления из стен «Свободной Эстетики» тех лиц, чьи имена стояли на афише «Вечера Мерцаний».

Секретарь отмечает, что в числе лиц, предложивших в члены Общества А. И. Гурьева, находится и Эллис.

В последовавших затем прениях приняли участие:

Б. Н. Бугаев, указавший, что путь интимизма, путь «Вечеров Мерцаний» путь в настоящее время неверный, что выступления Архангельского и Суворовского являются профанацией и провокацией искусства.

Эллис. В виду того, что данные члены Общества сделали нечто, что ниже *minimum*'а предъявляемых требований художественного вкуса, против них должны быть приняты какие-нибудь меры.

Брюсов, приписывая неудачи Общества отсутствию в нем кружка лиц, художественному вкусу которых можно было бы довериться и присутствию лиц, противоречащих принципам «Свободной Эстетики», неудовлетворяющих *minimum*'у эстетических требований, заявил, что он не может работать с ними, принужден будет покинуть Общество «Свободной Эстетики», так как в нем родных по душе у него нет.

Трояновский, приписывал возможность неудачных выступлений отсутствию сплоченности.

Кочетов²⁴ указал на то, что ближайшею задачею «Свободной Эстетики» должно быть отмежевание себя от невежества и дилетантизма, но сейчас, когда Общество только кристаллизуется, нельзя быть слишком строгим по отношению к неудачным выступлениям.

Дриттенпрейс. Каждый должен гордиться уже тем, что он носит звание члена «Свободной Эстетики», должен критиковать себя и критически относиться ко всяким выступлениям.

Меркурьева. Меня собрались судить. Я свободна в самой себе, поэтому я коснусь только вечеров в «Свободной Эстетике», в которых я принимала участие. Первый вечер устраивался с разрешения литературной Комиссии, по крайней мере с ведома известных лиц. Характер его содержания зависел от моего амплуа как артистки. Что касается второго вечера, то я приглашала прослушать стихотворение Бориса Николаевича и Льва Львовича²⁵, но они не пришли, я хотела переговорить и с Валер. Яков., но мне все как-то не удавалось.

²⁴ Композитор Николай Разумникович Кочетов (1864–1925).

²⁵ Белого и Эллиса.

Переплетчиков. Мне лично крайне неприятен этот инцидент, эти начинающиеся шероховатости в Обществе, которое только начинает свою деятельность. Мне кажется лучше всего поставить над этим крест и перейти к организационной работе.

Брюсов. Дело идет не о шероховатости. Я считаю «Вечер Мерцаний» гибельным симптомом, ничего более антихудожественного не свершалось за последнее десятилетие. Общество «Свободной Эстетики» должно раз навсегда показать, что ничего общего с «Вечерами Мерцаний» оно не имеет. Я предлагаю г-же Меркурьевой извиниться или я вношу предложение об исключении ее.

Секретарь. Согласно §10 Устава подобное предложение должно быть внесено 8 членами Общества или Комитетом.

(В. Я. Брюсовым собираются подписи).

Н. Д. Милиоти. Все мы принципиально согласны с В. Я., но я против данной формы охранительных мер, форма исключения является мерой слишком резкой.

Н. Р. Кочетов. Тем более, что, как выяснилось, оба главных обвинителя не были сами на «Вечере Мерцаний».

(В. Я. Брюсов передает Секретарю заявление).

Отдельные члены Общества выражают то мнение, что Н. А. Меркурьевой следует дать свои объяснения по поводу своего участия в «Вечере Мерцаний» и тем уладить этот неприятный инцидент.

Меркурьева. Я с удовольствием дам подробные объяснения по поводу моего участия в «Вечере Мерцаний», но прежде я хотела бы, чтобы присутствующие решили вопрос о том, пригодна ли я, нужна ли для Общества «Свободная Эстетика». Я выступала уже два раза, если я не могу быть пригодна, то я прошу сказать мне это по-товарищески, в глаза, тогда я, понятно, уйду.

Отдельные члены: мы не хотели Вашего ухода, мы желаем выслушать Ваши объяснения.

И. И. Трояновский. Мы предполагаем, что Вы были случайной участницей этого вечера, если это так, то возникший инцидент может быть улажен очень просто.

Меркурьева. Я выступала в «Вечер Мерцаний», п. ч. дала слово и должна была его сдержать. Вечер окончательно не удался,

весь вечер я испытывала муки Тантала, но самая идея дать ряд красивых настроений не может быть, как мне кажется, не хорошей – вот почему я приняла участие в этом вечере.

Объяснения, данные г. Меркурьевой, признаются вполне достаточными и председатель, считая инцидент исчерпанным, предлагает перейти к вопросу о проявлении деятельности Комиссии²⁶.

Далее комиссия занималась прочими текущими вопросами, вернувшись к нашему сюжету лишь в результирующей части:

1908 года января 3-го дня состоялось пятое заседание Комитета Общества «Свободная Эстетика» в полном его составе.

На основании заключения Соединенного Заседания членов Комиссии Общества, бывшего того же 3-го января, Комитет, находя неудобным дальнейшее посещение Аркадием Ивановичем Гурьевым сред Общества, постановил довести об этом до сведения лиц, введивших Гурьева. При особом мнении остался В. В. Переплетчиков, просивший занести в протокол, что воспрещение входа Гурьеву, всегда корректно державшему себя на средах Общества, на том только основании, что Гурьев принимал участие в «Вечере Мерцаний» он, Переплетчиков, не считает возможным²⁷.

Вероятно, Брюсов, добившийся хоть и формального, но явственного покаяния Меркурьевой, считал инцидент исчерпанным, но она сама – по собственному почину или по совету кого-то из сочувствующих лиц – решила добиваться справедливости. Три дня спустя, 6 января, она официальным образом затребовала протокол прошедшего заседания:

Милостивый Государь! Викентий Викентьевич.

Покорнейше прошу Вас, в возможно скором времени, выдать мне копию с протокола соединенного заседания комиссий членов «Общества Свободной Эстетики», имевшего место третьего января сего года.

²⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 16–18об.

²⁷ Там же. Л. 14.

Н. Меркурьева.

Января 6-го дня 1908 г.

Адрес: Тверской бул. д. Романова кв. 80²⁸.

Одновременно она выдвинула против администрации «Общества» встречное обвинение:

В Комитет Общества Свободной Эстетики Члена
Общ. Св. Эстетики Нины Александровны Меркурьевой

Заявление

На соединенном заседании г. членов комиссий Общества Свободной Эстетики был поднят вопрос об исключении меня из членов Общества за мое выступление на вечере «Мерцаний». Мои объяснения были приняты, и я была оправдана.

Но во время заседания были нарушены по отношению меня, как члена Свободной Эстетики, основные принципы этики, а именно:

1) Комитет не счел нужным предупредить меня о возводимом обвинении и тем лишил меня возможности подготовить свои объяснения и защиту, чего не лишается ни один обвиняемый.

2) Председателем г. Трояновским во время прений были допущены выражения, оскорбительные для меня, как члена Свободной Эстетики.

3) Член Комитета г. Брюсов и член ревизионной комиссии г. Эллис, обвиняя меня, позволили себе приравнять мой проступок к краже носовых платков, пересыпая свои обвинения крайне не эстетичными выражениями, как: «пошлость», «гнусность», «отвратительность», указывая на меня, как на человека, вносящего эту пошлость в Общество Свободной Эстетики и позорящего его высокие идеалы.

На основании всего этого, считая себя оскорбленной, я требую письменного извинения от г. Трояновского, г. Брюсова и г. Эллиса,

²⁸ РГБ. Ф. 386. Карт. 94. Ед. хр. 48. Л. 3. Обращено к В. В. Пашуканису, секретарю «Общества свободной эстетики» (в каталоге и описи ошибочно атрибутировано как обращенное к В. Вересаеву).

как нарушивших самые элементарные правила общест-
венности.

Член Общества Свободной Эстетики

Нина Меркурьева.

Москва, января 9-го дня 1908 г.

Адрес: Тверской бульв. д. Романова, кв. № 80²⁹.

12 января состоялось новое заседание комитета, где были прочи-
таны оба письма Меркурьевой. В протоколе писалось:

Что касается первого письма, то Комитет постановил в виду
исключительности случая выдать, требуемую Н. А. Меркурьевой,
копию протокола.

Второе же письмо вызвало продолжительные прения, обуслов-
ливавшиеся некоторым разногласием во мнениях членов Коми-
тета, из которых одни: В. А. Серов, В. В. Переплетчиков склонялись
в сторону того, что инцидент с г. Меркурьевой имел характер суда
над ней и допущение такого оборота дела не должно было иметь
места. Другие же: Ив. Ив. Трояновский и В. Я. Брюсов настаивали
на закономерности своего поведения, указывая, что в данном
случае имел место не суд над г-жой Меркурьевой, а обсужде-
ние вопроса о том или другом отношении Общества «Свобод-
ной Эстетики» к выступлениям его членов в вечерах подобных
вечеру «Мерцаний». По обсуждении этого вопроса В. Я. Брюсовым
совместно с остальными членами Комитета был выработан текст
уведомления Комитета в ответе на поданное Н. А. Меркурьевой
заявление.

Член Комитета В. В. Переплетчиков остался при особом мне-
нии, находя, что допущение председателем собрания Ив. Ив.
Трояновским обсуждения вопроса, не стоявшего на повестках,
связанного с исключением члена Общества, является по существу
неправильным и что объяснения, данные Ив. Ив. Трояновским, не
оправдывают его поведения. В виду того, что Эллис в заседании
Комитета присутствовать не мог и предполагая, что уведомление,

²⁹ Там же. Л. 6–7.

посылаемое Комитетом вполне исчерпывает затронутые в заявлении Н. А. Меркурьевой вопросы, Комитет постановил послать упомянутое уведомление, не ожидая объяснений Эллиса³⁰.

Уведомление, посланное Меркурьевой, выглядело так:

В ответ на заявление, поданное Комитету Общества Свободная Эстетика членом ее <sic> Н. А. Меркурьевой от 9 января 1908 года. Комитет уведомляет ее о следующем: Комитет не поставил на повестках вопроса о возведенном на Н. А. Меркурьеву обвинении, потому, что обсуждение этого вопроса не предполагалось заранее.

Председатель собрания Ив. Ив. Трояновский не считал нужным прекратить прения по этому вопросу потому, что вопрос этот, по его мнению, находится в непосредственной связи с вопросом, стоявшим на повестках.

Выражения: «гнузность», «пошлость», «отвратительность» относились говорящими к «Вечеру Мерцаний», что же касается выражения «кража носовых платков», то оратор этим сравнением определял степень преступления против эстетического вкуса, сравнительно с преступлениями против морали.

Не видя в выражениях, приводимых Н. А. Меркурьевой в ее заявлении ничего оскорбительного для нее лично, В. Я. Брюсов и Ив. Ив. Трояновский считают лишними какие бы то ни было извинения³¹.

В ответ Меркурьева, войдя, очевидно, в полемический вкус, потребовала переписать протокол, внося в него некоторые подробности:

³⁰ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 20. В лояльности Эллиса не было необходимости сомневаться – в эти же дни он подбадривал Брюсова: «Я думаю, что только метод, проявленный вами в “Св<ободной> Эстетике” по поводу “мерцаний” может спасти рус<ский> символизм, хотя бы пришлось дойти до дуэлей, личных оскорблений, мерзопредеяния и т. п.» (письмо к Брюсову от 10 января 1908 г. – Эллис 2003: 316). Здесь же в комментариях А. В. Лавров приводит цитату из письма Эллиса к М. И. Сизовой от 29 марта 1908 г., где говорится о попытке предстоящего реванша при выборах новых членов комитета «Свободной эстетики».

³¹ Там же. Л. 22.

Милостивый Государь! Викентий Викентьевич!

Покорнейше прошу Вас внести в протокол соединенного заседания членов комиссии «Общества Свободной Эстетики» от 3-го января сего года следующие дополнения.

1) В протоколе не указано на присутствие двух посторонних лиц – Уткина и Кузнецова³²; не вписана речь Кузнецова, не имевшего права голоса и говорившего против меня.

2) В словах Брюсова:

«Среди наших членов есть такие имена, как В. А. Серов, с его именем не могут стоять рядом имена лиц, выступавших на вечере Мерцания <sic> (Пропущено) «Ни для кого не тайна, что речь идет о Н. А. Меркурьевой» (прошу внести в протокол)

3) Слова, относящиеся к краже носовых платков, неточны:

Эллис сказал: «Участие в Вечере Мерцания <sic> все равно, что кража носовых платков».

Брюсов ответил: «Даже хуже».

(Прошу поправить в протоколе.)

4) Слова г. Переpletчикова сильно сокращены. После слов: «Вы требуете этого, а сами даже не были на Вечере Мерцаний», Переpletчиков сказал следующее: «Основываясь только на слухах, а не допросив свидетелей, бывших там: меня, Мейчика³³ и Пашуканиса, членов Своб. Эстетики; насколько вечер был плох и выступление Н. А. пошло». Брюсов на это ответил:

– Я видел его афишу: с меня достаточно.

(Прошу внести в протокол)

5) Мои слова сокращены между слов: «Характер его содержания зависел от моего ампула, как артистки» и слов: «что касается второго вечера» пропущено: «Я не читала В. Я. Брюсова, находя неудобным в присутствии поэта читать его же произведения». Далее, после слов: «Но мне как-то не удавалось», пропущено: «Меня удивляет, почему на меня одну пало обвинение в устройстве неудачных вечеров, когда ответственным лицом являюсь не я, а председатель театральной комиссии».

³² Художники Павел Варфоломеевич Кузнецов и Петр Саввич Уткин.

³³ Пианист Марк Наумович Мейчик.

(Прошу внести в протокол)

6) Прошу также внести в протокол подписи 8 лиц, подписавшихся под заявлением Брюсова³⁴.

7) В словах отдельных членов: «Мы не хотели Вашего ухода, мы желаем выслушать ваши объяснения» пропущены слова А. П. Трояновской:

– «Мы считаем Вас нужным, живым членом Общества»

(Прошу внести в протокол)

Объяснения мои относительно участия в вечере Мерцания значительно сокращены.

Между слов: «как мне кажется не хорошей», и слов «вот почему я приняла участие в вечере Мерцаний» пропущено: «Вечер мог быть удачным, если б четверо лучших исполнителей не отказались. Идею вечера я разделяю. Сама я его не организовывала, его устраивал Гурьев, талантливый поэт, но неопытный организатор: будь умелая организация, – вечер безусловно бы удался».

(Прошу внести в протокол)

Пропущены такие слова Белого, относящиеся непосредственно к вечеру Мерцаний:

«Почему бы не взять идею подобных вечеров: они могли бы быть у места <sic> в «Свободной Эстетике».

(Прошу внести в протокол)

В виду того, что протокол составлен не стенографически, вследствие чего многое сокращено и упущено, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, восстановить точность его и прислать мне копию в возможно скором времени.

Член Общ. Своб. Эстетики Н. Меркурьева.

Февраля 3-го дня 1908 года.

Москва³⁵.

В последующей реакции «Свободной Эстетики» явно чувствуется намечающаяся усталость от происходящего:

³⁴ Т. е. собранные прямо в зале требуемые по уставу восемь подписей, необходимых для исключения.

³⁵ РГБ. Ф. 386. Карт. 94. Ед. хр. 48. Л. 1–2об.

1908 года февраля 17-го дня состоялось заседание Комитета Общества «Свободная Эстетика» в составе членов его В. Я. Брюсова, И. И. Трояновского, В. О. Гиршмана, В. А. Серова и секретаря Общества В. В. Пашуканис.

На этом заседании было заслушано письмо члена Общества Н. А. Меркурьевой от 3-го февраля с. г. Обсудив его данные, Комитет в виду того, что дополнения и изменения, требуемые г. Меркурьевой, не являются существенными, решил не изменять уже написанного и подписанного всеми членами Комитета протокола, а, приложив письмо г-жи Меркурьевой к протоколу сегодняшнего заседания, отослать копию письма ей и поручить секретарю Общества уведомить г-жу Меркурьеву о принятом Комитетом решении.

Затем секретарем Общества было прочитано письмо В. В. Переплетчикова, в котором он заявлял о своем выходе из состава Комитета и излагал причины, побудившие его к этому. Комитет, зная, что уход В. В. Переплетчикова является не капризом, а обдуманным решением, постановил принять его заявление и просить вследствие этого принять участие в заседаниях Комитета очередного кандидата в члены его – Б. Н. Бугаева³⁶.

Упомянутое заявление Переплетчикова сохранилось:

Настоящим письмом заявляю, что обязанности члена комитета Общества «Свободной Эстетики», члена Художественной и Театральной Комиссии я с себя слагаю.

Причина этого – желание отделить себя от факта, имевшего место на Собрании Комиссии Общества 3-го января 1908 г. Факта не совместимого с истинным достоинством Общества.

1) При возбуждении столь важного принципиального вопроса, как вопрос об отношении Общества к некоторым явлениям художественной жизни вне его: Валерием Яковлевичем Брюсовым не была сохранена по отношению к Комитету та обязательная во всех Обществах доля внимания, какая требовалась в данном случае.

³⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 27.

Комитет, главным образом направляющий жизнь Общества, не знал о предстоящем обсуждении столь важного принципиального вопроса. Надлежало созвать заседание Комитета, посвященное этому важному предмету. Я вижу в этом: невнимательное отношение В. Я. к Комитету вообще и ко мне, как одному из Членов Комитета в частности. Вот одна из причин моего выхода из Комитета.

2) При дальнейшем обсуждении этого вопроса, когда дело коснулось одного из Членов Общества и посетителей вечеров «Свободной Эстетики» не было соблюдено Общественной корректности. Суд экспромтом, в присутствии посторонних лиц, не членов Общества Уткина и Кузнецова, без предварительного выяснения обстоятельств дела для присутствовавших, я не считаю допустимым ни в каком Обществе, даже с юридической стороны, не говоря уже о том оттенке беспощадности и жестокости, констатированном не только мною, но и многими присутствовавшими. Один из членов Комиссии бежал с заседания от невероятной тяжести впечатления: «неприятно, что секли человека» (слова Серова в разговоре со мной). Во всем этом я вижу существенное нарушение идей общественности и оттенок нарушения неприкосновенности личности члена Общества в стенах его, допущенный председателем.

3) Путь полицейских мер, предложенный В. Я. Брюсовым: исключение из членов Общества, запрещение посещать вечера, я не нахожу мерами, способствующими укреплению Общества и его идей: наоборот – это свидетельствует о внутренней слабости Общества, тем более, что у нас есть самое простое культурное средство: это беседы, обмены идей. Средство – общественное, а не полицейское.

Если бы Комитету было раньше известно намерение В. Я. Брюсова «бороться с направлениями», то я первый предложил бы путь объективных выяснений и обмена идей.

Вот настоящий путь Общества. Оно для того и основано.

Я, инициатор и учредитель Общества, в данном случае не считаю себя вправе молчать, а потому слагаю с себя обязанности

Члена Комитета. И пусть этот факт отметит Комитет и Общество как факт «не молчания».

Вот причины почему я так энергично отделил себя от того, чего я ни в каком случае не могу считать нормальным в жизни Общества, правильным и совместимым с истинным достоинством идей «Свободной Эстетики»³⁷.

Если демарш Меркурьевой игнорировать было нетрудно (понятно, что ее сколь угодно громкие заявления имели ничтожное значение по сравнению с объединенным аппаратным весом Брюсова и его союзников), выход Переплетчикова потенциально мог оказаться весьма громким: он не только был одним из учредителей, но и пользовался в обществе существенным авторитетом – в частности, при первых выборах кандидатов в члены комитета, Переплетчиков оказался третьим по числу голосов (после Брюсова и И. И. Трояновского)³⁸. На втором заседании он был выбран заведующим отделом живописи, а также членом театральной и художественной комиссий³⁹. Но неприятности на этом только начинались – неделю спустя в популярнейшем журнале «Театр и искусство» была напечатана статья С. Яблоновского (Потресова) под названием «Эстетика и... этика»:

У нас в Москве существует «Общество свободной эстетики». Казалось бы, чего утонченнее и возвышеннее! Однако посмотрите, какие дела возможны в этом обществе.

Члены комиссий этого общества получили как-то повестки, приглашающие их на 3-е января в соединенное заседание комиссий. Получила такую повестку и член театральной комиссии, Н. А. Меркурьева, начинающая артистка, недавно окончившая

³⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 40. Л. 1–10б. Заявление это датировано 15-м февраля; в том же архивном деле хранится записка от 17-го февраля, в которой Переплетчиков солидаризируется с приведенным выше заявлением Меркурьевой: «Покорнейше прошу Комитет при дополнении протокола Соединенного Заседания Комиссий 3 января с.г. восстановить слова мои так, как они указаны в тексте письма, присланного Н. А. Меркурьевой» (Там же. Л. 3).

³⁸ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 10б.

³⁹ Там же. Л. 7.

Филармоническое училище. Получила и отправилась в заседание, совершенно не подозревая, что это не заседание, а суд над нею, суд без малейшего предупреждения об этом подсудимой.

Началось собрание заявлением, очень родственным тому, какое делает Агамемнон в «Елене Прекрасной», открывая конкурс остроумия. Агамемнон начал словами: «народы Греции дуреют»⁴⁰, а председатель заседания вольных эстетов начал с того, что «в жизнь общества стал вторгаться элемент пошлости и плоскости». Поэтому он предложил присутствующим «вливать в его жилы золотую кровь».

После этого поднялся самый главный столп общества, В. Я. Брюсов; он также констатировал упадок и активной деятельности общества, и его внутреннего содержания, и как на одну из главных причин этого упадка указал на то, что молодая артистка Н. А. Меркурьева, о которой я упомянул выше, осмелилась выступить в «Вечере Мерцаний», который был устроен в Москве в декабре месяце.

– Я требую, – говорил г. Брюсов – (цитирую по протоколу заседания, им подписанному), чтобы было созвано общее собрание и лицам, участвовавшим в «Вечере Мерцаний», навсегда должен быть закрыт доступ на вечера «Свободной Эстетики», если они не пожелают принести извинений».

Очень скоро выяснилось, что участие в «Вечере Мерцаний» из членов общества принимала одна только г-жа Меркурьева, и что таким образом нападки и требования исключения из общества направлены лично против нее.

Когда художник В. В. Переплетчиков заметил, что поступки, совершенные членами общества вне его стен, не подлежат его суду, г. Брюсов объявил:

– Нет, существуют поступки – например, кража носовых платков – которые должны подлежать суду общества.

А когда г. Переплетчиков спросил, равняется ли выступление на «Вечере мерцаний» краже носовых платков, то г. Эллис ответил:

⁴⁰ В переводе В. Крылова – «Греция дуреет с каждым днем» (Прекрасная Елена s. a.: 58).

– Даже хуже.

Далее началось продолжавшееся около трех часов колесование г-жи Меркурьевой, совершенно не ожидавшей этого, растерявшейся и молча слушавшей, как ее деятельность находили более позорной, чем кража носовых платков, как требовали ее исключения, причем г. Брюсов угрожал в противном случае своим уходом из общества; как он заявил, что «среди наших членов есть такие имена, как Валентин Александрович Серов, с его именем не могут стоять рядом имена лиц, принимавших участие в “Вечере Мерцаний”»; как он же, в ее присутствии, начал собирать восемь подписей, необходимых для того, чтобы вопрос об исключении из общества члена был внесен в общее собрание.

Да что же, наконец, такое этот «Вечер Мерцаний», если участие в нем дает людям право отбросить всякие стеснения и бросать в девушку камнями? В наше время всяческих мерзостей и извращений среди эстетов, возможны ведь такие вечера, против которых побледнеют даже афинские ночи.

Та страстность и беспощадность, с какою набросились на г-жу Меркурьеву члены комиссий «Свободной Эстетики» дает право делать черт знает какие предположения. Поэтому необходимо сказать, что пресловутый «Вечер Мерцаний» – действительно вечер в высшей степени неудавшийся, но не только не заключающий в себе ничего позорного, но и очень интересный по идее. Вечер этот должен был быть вечером настроений, импровизации. <...>

Собственно говоря, действовал активно во всей этой довольно неэстетической истории один г. Брюсов, – остальные или почтительно ему поддакивали, или довольно растерянно слушали, сами неподготовленные к тому, что происходит, либо слабо и нерешительно бормотали в защиту. Для того, чтобы такая картина стала понятной, нужно указать на то, что в московском литературном кружке, объединившемся под знаменем «свободной эстетики», г. Брюсов почитается теперь высшим божеством и авторитетом. Недавний бог, Бальмонт, развенчан, объявлен исписавшимся, свергнут, и лежавшие перед ним на брюхах бесцеремонным образом повернулись к нему задом, а на брюхи

легли перед Брюсовым. Известно же, что свободные эстеты, несмотря на всю свою свободу, в своем кружке признают только неограниченную деспотию. <...>

Свое грозное обвинение г. Брюсов построил на положении: «Существует *minimum* художественного вкуса, обязательного для членов свободной эстетики». Это заявление чрезвычайно характерно, и я позволю себе задать г. Брюсову несколько вопросов:

Твердо ли вы уверены в существовании и непреложности этого *minimum*'а? Как бы должны были поступить на основании этого принципа те, кто несколько лет тому назад находил, что стихи вроде «О закрой свои бледные ноги» этому *minimum*'у не отвечают? Не меньше ли, чем кому бы то ни было другому пристало говорить о нетерпимости именно вам, Валерий Яковлевич? Вам, о котором один из поэтов и критиков, очень вас теперь любящих, начал на днях свою лекцию таким образом: «В. Брюсов появился в русской литературе с шутовским колпаком на голове»? Не слишком ли субъективно то мерило эстетического уровня, которое отвергает чтение Фета, Тютчева и Блока, и принимает такие «действия», как музыкальные иллюстрации г. Кузмина к его же «голому молодому человеку в шляпе», – иллюстрации, от которой музыкальные люди пришли в полное отчаяние? (Яблоновский 1908: 153–154)⁴¹.

Эта статья неожиданно заставила действовать человека, до сих пор не принимавшего участие в истории – музыкального критика С. Н. Кругликова. 21 марта, то есть спустя почти месяц после публикации статьи, он направил официальное письмо в адрес общества:

В комитет Общества Свободной Эстетики

Члена этого Общества Семена Николаевича
Кругликова (Средняя Кисловка д. 4 кв. 6)

Заявление.

На днях попался мне на глаза № 8 журнала Театр и Искусство. Там напечатана статья, набрасывающая грустную тень на Общество

⁴¹ Подразумевается выступление М. Кузмина в «Свободной эстетике», состоявшееся 24 января 1907 г. (см. его дневниковую запись: Кузмин 2000: 312–313).

Свободной Эстетики – вообще и на некоторых виднейших его членов – в частности. Статья меня сильно взволновала. Она требует разъяснений. Наброшенная ею компрометирующая тень должна быть рассеяна без промедлений. Пусть комитет принял бы это к соображению и непременно бы поставил на повестки, которыми Общество Свободной Эстетики созвет своих членов на годичное общее собрание, – толки по этому поводу темой необходимых обсуждений во всеуслышание. Открытое нападение должно быть и отражено открыто. Молчать нельзя: молчание – знак согласия. Обвинение же взводится не легкое.

Семен Кругликов

21 марта 1908 г.⁴²

На общем собрании 29 марта 1908 г. оно было зачитано. Примечательно, что председателем собрания на этот раз был Г. А. Рачинский (упомянутый Белым в мемуарах среди сочувствующих экзекуции), а секретарем А. С. Петровский.

Слово было предоставлено к порядку дня В. Я. Брюсову, который прочитал поданное в Комитет письменное заявление С. Н. Кругликова по вопросу о появившейся в печати статье Потресова, бросающей тень на действия Комитета (заявление прилагается к протоколу), и заявил от лица Комитета, что последний не нашел возможным дать движение указанному заявлению, во-первых, потому, что оно поступило в Комитет уже после того, как порядок дня был выработан и повестки разосланы, и во-вторых потому, что оно не было подписано восемью членами, как требуется по уставу. Считая ниже своего достоинства так или иначе отзываться на статью Потресова, Комитет тем не менее не желает уклоняться от ответственности за свои действия перед общим собранием и предлагает ему самому решить, находит ли оно возможным немедленно приступить к обсуждению по существу заявления С. Н. Кругликова, несмотря на то, что оно не поставлено на повестку, или же считает необходимым созвать

⁴² РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 41. Л. 1.

для этого обсуждения общее собрание, на которое тогда придется перенести и выборы нового состава Комитета. В. В. Переплетчиков высказался за немедленное обсуждение по существу сказанного заявления, как стоящего в прямой связи с отчетом о деятельности Комитета вообще. Председатель поставил на баллотировку вопрос: считает ли собрание допустимым обсуждение по существу в настоящем заседании не поставленного на повестку заявления С. Н. Кругликова. Обсуждение большинством всех голосов против 3-х отклонено. Затем председатель поставил на баллотировку вопрос: считает ли собрание желательным внесение означенного заявления на повестку ближайшего общего собрания. Большинством всех голосов против двух постановлено заявление на повестку ближайшего общего собрания вносить. В. В. Переплетчиков заявил, что в виду равнодушного отношения общества к данному вопросу, затрагивающему честь и достоинство Общества, он слагает с себя звание члена общества⁴³.

После этого собравшиеся перешли к обсуждению текущих вопросов. Вероятно, Комитет в действительности собирался обсудить возникшую коллизию в предстоящем заседании, но, если оно и состоялось, то протокол его не сохранился: следующим документом в архивной папке идет отчет о заседаниях комитета с 1 октября 1908 по 1 февраля 1909 г., об истории же с «Вечером мерцаний» было забыто⁴⁴. В печатном списке членов Общества на 1 мая 1910 г. нет уже ни Меркурьевой, ни Переплетчикова, ни даже Кругликова, который умер в начале того же года. Следом умерла и Меркурьева – по воспоминаниям Белого, долго еще совестившегося этой истории – от аппендицита. Гурьев, напротив, отношения с Брюсовым сохранил – и в 1913 г. преподнес ему свой дебютный сборник с рукописным

⁴³ РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 35–35об.

⁴⁴ Один из немногих зафиксированных случаев отдаленного эха: в ответ на рассказ Белого про новую форму одежды, изобретенную для мусажетовских собраний, Метнер иронизирует: «Ваши мусажетские костюмы отчасти позабавили меня, но отчасти напугали: как бы не стали говорить, что мусажетки – новая секта, и не смешали бы нас с мерцателями...» (письмо Э. Метнера А. Белому от 4 сентября 1910 г.: Метнер 2017: 24).

стихотворным мадригалом и трогательной надписью⁴⁵. Больше «вечеров мерцаний» он не устраивал.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. 1907. Вечер мерцаний. – Русский артист. № 12/13. 23 декабря. С. 185.
- Архиппов Е. А. 2016. Рассыпанный стеклярус: Соч. и письма / Вступительная ст., сост., подготовка текста и комментарии Т. Ф. Нешумовой. Т. 2: Письма. М.: Дом-музей Марины Цветаевой.
- Белый А. 1990. Между двух революций / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература.
- Бурлюк Д. 1994. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд.
- Гаспаров М. Л. 1994. Вера Меркурьева (1876–1943): Стихи и жизнь. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. С. 5–97.
- Гурьев А. 1913. Безответное. М.: Тип. Русского Товарищества.
- Дрожжин С. 1923. Автобиография с приложением избранных стихотворений. М.: Девятое января.
- Ивинский Б. 2004. На одной из «сред». – Федор Шаляпин: Воспоминания. Статьи. М.: Наталис; Рипол Классик. С. 23–28.
- Илюхина Е., Шуманова И. 2009. Коллекционеры общества «Свободная эстетика». – Наше наследие. № 89. С. 44–55.
- Кузмин М. 2000. Дневник 1905–1907 / Предисловие, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Мейерхольд В. Э. 2010. Наследие / Общая ред. и вступительная ст. О. М. Фельдмана. Т. 3: Студия на Поварской. М.: О. Г. И.
- Меркурьева В. 2007. Тщета: Собрание стихотворений / Сост., подготовка текста и примечания В. А. Резвого. Статьи М. Л. Гаспарова М.: Водолей Publishers.
- Метнер Э. 2017. <Письмо к Андрею Белому от 4 сентября 1910 г.>. – Андрей Белый. Эмилий Метнер. Переписка: 1902–1915 / Публикация и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. Т. 2: 1910–1915. М.: Новое литературное обозрение. С. 260–262.

⁴⁵ РГБ. Ф. 386. Книги. № 1051.

- Пастернак Б. Л. 2004. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. III: Проза. М.: Слово/Slovo.
- Поливанов К. 2013. «Музыкальный эпизод» биографии Пастернака. – Немзыкальное приношение или *Allegro Affettuoso*: Сборник статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 482–491.
- Прекрасная Елена s. a. Прекрасная Елена. *La Belle Hélène*: Комическая опера в трех действиях / Пер. В. А. Крылова. Музыка Ж. Оффенбаха. СПб.; М.: В. Бессель и К°.
- Рогачевский М. Л. 1998. Трагедия трагика: Леонид Леонидов. Документальное повествование. М.: Искусство.
- Свиридовская Н. Д. 2014. «Живые силы искусства...»: Из истории Общества свободной эстетики. – Научный вестник Московской консерватории. № 4. С. 92–117.
- Эллис 2003. <Письмо к Валерию Брюсову от 10 января 1908 г.>. Эллис в «Весех» / Предисловие, публикация и комментарии А. В. Лаврова. – Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 313–316.
- Яблоновский С. 1908. Эстетика и... этика. – Театр и искусство. № 8. С. 153–154.

REFERENCES

- A. "Večer mertsanii." *Russkii artist* 12 / 13 (December 23, 1907): 185.
- Arkhipov, E. A. *Rassypannyi stekliarus: Sochineniia i pis'ma*. Compiled, edited and annotated by T. F. Neshumova. Vol. 2, *Pis'ma*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2016.
- Belyi, A. *Mezhdu dvukh revoliutsii*. Edited and annotated by A. V. Lavrov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990.
- Burliuk, D. *Fragmenty iz vospominanii futurista. Pis'ma. Stikhotvoreniiia*. Saint-Petersburg: Pushkinskii fond, 1994.
- Drozhzhin, S. *Avtobiografiia s prilozheniem izbrannykh stikhotvorenii*. Moscow: Deviatoe ianvaria, 1923.
- Ellis. "<Pis'mo k Valeriiu Briusovu ot 10 ianvaria 1908 g.>. Ellis v 'Vesakh.'" Published and annotated by A. V. Lavrov. In *Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy*, 313–16. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003.

- Gasparov, M. L. "Vera Merkur'eva (1876–1943): Stikhi i zhizn'." In *Litsa: Biograficheskii al'manakh*. Vol. 5, 5–97. Moscow and Saint-Petersburg: Feniks & Atheneum, 1994.
- Gur'ev, A. *Bezotvetnoe*. Moscow: Tip. Russkogo Tovarishchestva, 1913.
- Iablonovskii, S. "Estetika i... etika." *Teatr i iskusstvo* 8 (1908): 153–54.
- Iliukhina, E. and Shumanova, I. "Kollektsionery obshchestva 'Svobodnaia estetika.'" *Nashe nasledie* 89 (2009): 44–55.
- Ivinskii, B. "Na odnoi iz 'sred.'" *Fedor Shaliapin: Vospominaniia. Stat'i*, 23–28. Moscow: Natalis & Ripol Klassik, 2004.
- Kuzmin, M. *Dnevnik 1905–1907*. Edited and annotated by N. A. Bogomolov i S. V. Shumikhin. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2000.
- Meierkhol'd, V. E. *Nasledie*. Edited by O. M. Fel'dman. Vol. 3, *Studiia na Povarskoi*. Moscow: O. G. I., 2010.
- Merkur'eva, V. *Tshcheta: Sobranie stikhotvorenii*. Compiled, edited and annotated by V. A. Rezvyi. Articles by M. L. Gasparov. Moscow: Vodolei Publishers, 2007.
- Metner, E. "<Pis'mo k Andreiu Belomu ot 4 sentiabria 1910 g.>" In *Andrei Belyi. Emilii Metner. Perepiska: 1902–1915*. Published and annotated by A. V. Lavrov and J. Malmstad. Edited by A. V. Lavrov, J. Malmstad and T. V. Pavlova. Vol. 2, *1910–1915*, 260–62. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Pasternak, B. L. *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 3, *Proza*. Moscow: Slovo/ Slovo, 2004.
- Polivanov, K. "Muzykal'nyi epizod' biografii Pasternaka." In *Nemuzykal'noe prinoshenie ili Allegro Affettuoso: Sbornik statei k 65-letiiu Borisa Aronovicha Katsa*, 482–91. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Prekrasnaia Elena. La Belle H el ene: Komicheskaiia opera v trekh deistviiakh*. Translated by V. A. Krylov. Music by Jacques Offenbach. Saint-Petersburg and Moscow: V. Bessel' i K , n. d.
- Rogachevskii, M. L. *Tragediia tragika: Leonid Leonidov. Dokumental'noe povestvovanie*. Moscow: Iskusstvo, 1998.
- Sviridovskaia, N. D. "Zhivye sily iskusstva...": Iz istorii Obshchestva svobodnoi estetiki." *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii* 4 (2014): 92–117.